

Глава 6. Оделся и перестал узнавать?

—

В это время на сельской тропинке было безлюдно. Байлянь обернулся и увидел мужчину в халате из плотного шелка цвета глазури с перекрестным воротником.

Должно быть, собираясь в деревню, он не стал надевать лишних украшений, но благородный человек, даже в простом халате и без свиты, выглядит среди сельских полей как редкая драгоценность.

Увидев этого мужчину, чье лицо было прекрасно, словно выточенная из нефрита маска, Байлянь изумился – тот был совсем один. В душе юноши поселился страх, но он решил прикинуться простаком, будто перед ним обычный прохожий, спрашивающий дорогу:

— Кого ищет господин?

Нин Муянь слегка прищурил свои ясные, холодные глаза. Помолчав мгновение и глядя на маленького гера, который строил из себя невинную овечку, он сразу сорвал маску:

— Оделся и перестал меня узнавать?

Глаза Байляня расширились, он невольно приоткрыл рот.

«?!»

Средь бела дня, под чистым небом... как он может нести такую чепуху?!

— Видимо, всё же узнал, — бесстрастно добавил Нин Муянь.

Раз уж его раскусили, Байлянь перестал притворяться и ответил тоном человека, который не трепещет перед властью:

— Если господин пришел ко мне из-за того... происшествия, то это совершенно ни к чему.

— Почему же?

Байлянь начал нести вдохновенную чушь с самым серьезным видом:

— Потому что я решил забыть об этой досадной случайности и, в силу своего невежества, желаю больше никогда не иметь никаких дел с молодым господином Нином.

Нин Муянь нахмурился:

— Ты так сильно меня ненавидишь?

В этом вопросе прозвучала легкая нотка обиды, будто это Байлянь был коварным соблазнителем, бросившим его. Юноша стиснул зубы:

— Даже если вы – дракон среди людей, после того, что случилось... разве нормальный человек не должен вас ненавидеть? Неужели я должен был влюбиться?

Нин Муянь пристально посмотрел на него. Байлянь не мог понять, что скрывается за этим взглядом, и лишь упрямо молчал. Спустя долгое время мужчина заговорил:

— Я знаю, ты расстроен. Хоть нас обоих подставили, по справедливости, пострадал больше ты. Я должен как-то загладить вину.

Байлянь не понимал, почему всегда высокомерный старший молодой господин Нин так переменялся и проявляет столько терпения к маленькому геру, который его оскорбил. Но как бы там ни было, он не мог позволить себе снова пойти по старой дорожке.

— Загладить вину? Что ж, ладно. — Байлянь протянул ладонь и, набравшись наглости, заявил: — Я гер из бедной семьи, мне чуждо благородство, зато я очень люблю деньги. Дайте мне немного серебра, и будем считать, что мы в расчете.

Байлянь состроил самое меркантильное лицо, стараясь выглядеть дешево и жадно. Он прекрасно знал, что Нин Муянь презирает таких людей. Пусть он считает его бесполезным, бесстыдным, мелочным простолюдином, недальновидным и жадным... Ну, насчет «похотливого» он уже сомневался.

Нин Муянь, увидев это, и впрямь нахмурился, лицо его помрачнело. После долгого молчания он наконец пошевелился. Заметив, что тот с явной неохотой лезет в рукав за деньгами, Байлянь едва заметно выдохнул с облегчением.

Однако, когда великий молодой господин из поместья Нин спустя целую вечность выудил лишь несколько медных монет, Байлянь вытаращил глаза. Неужели семью Нин действительно не волнует такое скупое поведение?

— И это... это всё, во что вы меня цените?!

Он не собирался брать денег на самом деле, но когда ему в лицо сунули эти гроши, он не на шутку разозлился. Сказать «дай немного серебра» и получить в ответ жалкую медяшку? Да в самом захудалом борделе за выпивку с гером платят больше! А этот стоит с таким невозмутимым видом, будто совершает великое подношение!

Нин Муянь ответил со всей серьезностью:

— Прошу простить, я вышел без серебра, взял только мелочь.

Без серебра?! Любой нормальный человек знает, что вне дома деньги – это первое дело. Кого он пытается обмануть!

— Если не веришь, назови свою цену и пойдем со мной в усадьбу, я всё выплачу. Любую сумму.

Байлянь вздрогнул и покосился вдаль:

— Та усадьба... принадлежит семье Нин?

— Да.

Байлянь и не знал раньше, что это поместье в их деревне – собственность семьи Нин.

— Ну так что?

— Ничего.

Еще чего не хватало! Он боялся, что если пойдет за ним, за дверь его снова «прижмут».

— Забудьте. Мои грубые ноги не созданы для того, чтобы топтать ваши драгоценные пороги.

Байлянь опустил взгляд и уставился на пояс Нин Муяня, плотно стягивавший его тонкую талию.

— Я не из тех, кто любит принуждать. Раз уж у молодого господина Нина такие трудности с деньгами, отдайте мне нефрит с вашего пояса, и на этом квиты.

Нин Муянь посмотрел на свою подвеску. Он подцепил её указательным пальцем – белый нефрит на фоне его длинных изящных пальцев смотрелся баснословно дорого. Без тени сожаления он начал распутывать шнур, чтобы отдать украшение.

Байлянь терпеливо ждал. Спустя минуту Нин Муянь поднял на него взгляд:

— Обычно меня одевают слуги. У меня руки не привыкли, не могу распутать узел. Подойди и сними сам.

— ...

«Ах ты изнеженный аристократ! Весь такой возвышенный, что даже подвеску снять не можешь!»

Байлянь, недовольно поджав губы, неохотно шагнул вперед, чтобы снять нефритовый кулон. Нин Муянь был высок, Байлянь макушкой едва доставал ему до ушей. Чтобы распутать узел, ему пришлось склонить голову. Как только он приблизился, в нос ударил тонкий аромат сандала.

Нин Муянь всегда любил этот запах – в его кабинете вечно курились благовония. Казалось, он пропитался ими насквозь. Позже, когда семья Нин разорилась и сандал стал им не по карману, Байлянь всё равно ощущал этот аромат от него даже в ссылке.

— Слишком туго завязано, — пробурчал Байлянь, забыв про свои недавние ругательства. Он дернул за шнурок пару раз. Вещь явно была дорогой, и он уже начал жалеть, что попросил именно её.

— Подвеска держится крепко, — негромко произнес Нин Муянь, глядя сверху вниз на макушку гера. Его теплое дыхание коснулось уха Байляня. — А вот пояс завязан плохо.

Услышав этот двусмысленный намек, Байлянь вспыхнул до корней волос и вскинул голову:

— Вы вообще читали книги по эти...

Не успел он договорить, как раздался негромкий звук: *хлоп!* Пояс Нин Муяня крайне своевременно соскользнул на землю. Верхние одежды, освободившись от ограничений, распахнулись, без всякого стеснения являя миру белоснежное нижнее бельё.

Байлянь: «!»

— Я говорил в буквальном смысле, — с легким вздохом произнес Нин Муянь. Глядя на остолбеневшего Байляня, он добавил с невозмутимым видом: — Лучше поскорее завяжи мне его обратно.

— О... ой! — Байлянь торопливо схватил пояс и упавший нефрит. Лицо его покраснело до самой шеи. Он схватил полы халата мужчины, запахивая их, и начал лихорадочно возиться с поясом.

— П-простите, я не знал, что у вас пояс так плохо держится.

— Ничего страшного. Теперь знаешь, и это хорошо.

Байлянь прикусил губу. Зачем он несет эту чепуху?!

Оба были так сосредоточены на поясе, что не заметили двух деревенских женщин, которые с шутками возвращались домой готовить ужин. Одна несла мотыгу, другая – корзину. Приблизившись, они вытаращили глаза на представшую перед ними картину.

— Лянь гер! Вы чего это тут творите?!

Байлянь резко обернулся, едва не потеряв равновесие.

— Н-нет! — он заикался от шока и вдруг понял, что всё еще крепко держит пояс Нин Муяня. Со стороны казалось, что он бесстыдно раздевает (или одевает) мужчину. Он тут же отбросил пояс, как ядовитую змею: — Я его вообще не знаю...

— Не знаешь, а руки распускаешь?!

— Нет-нет! У него одежда испортилась, я просто по доброте душевной решил помочь поправить!

Байлянь чувствовал, что сколько бы он сейчас ни оправдывался, ему не поверят. Он в отчаянии взглянул на Нин Муяня и прошипел сквозь зубы:

— Ты! Быстро скажи им, что это так!

Нин Муянь слегка прикрыл глаза и начал сам неторопливо оправлять халат, который Байлянь бросил на полпути:

— Раз ты так говоришь, значит так оно и есть.

— Ты!..

Женщины, решив, что им неловко на это смотреть, подбежали к Байляню, прищурились и зашептали, сияя от любопытства:

— Лянь гер, когда это ты успел себе такого жениха найти? Красавец-то какой! Откуда он? Похоже, ученый человек.

— Да нет у меня никого! — Байлянь чуть не плакал. — Правда, это не то!

— Да как не то, мы же не слепые! Не прячь его, расскажи тетушкам.

Видя, что Байляня взяли в оборот, Нин Муянь отряхнул край одежды и произнес удивительно знакомым, ласковым тоном:

— Я возвращаюсь в усадьбу.

После чего вежливо кивнул двум деревенским женщинам. В деревне тоже были грамотные люди, но где им было сравниться с таким статным и благородным господином? Хоть он и держался холодно, женщины расплылись в улыбках, словно от весеннего ветра. Даже в их возрасте они не могли удержаться от того, чтобы не залюбоваться им.

Байлянь хотел было окликнуть его, но понял, что в глазах других это будет выглядеть как нежелание расставаться с возлюбленным, поэтому ему оставалось только наблюдать, как тот человек грациозно уходит.

Когда Нин Муянь ушел далеко, женщины нехотя отвели взгляды:

— Лянь гер, не забудь позвать тетушек на свадьбу! Тебе действительно повезло; такой молодой человек – большая редкость и в префектурном городе не сыскать.

— Перестаньте смотреть, а то жизнь себе сократите, — сердито буркнул Байлянь. Он сказал это от чистого сердца, но женщины решили, что он просто ревнует.

— Ну и ребенок! Тетушки разок взглянули, а он уже злится. Мы же у тебя его не уведем. — И тут же одна из них добавила шепотом: — Он сказал, в усадьбу возвращается? Неужели это из поместья Цзаньюй?

— Неужели сын управляющего Тяня? Говорили, его сын – ученый! Лянь гер, неужели у вас на могилах предков дым зацвел (пришла великая удача)!

— Всё-таки лекарь Цзян – человек с положением, раз такого зятя тебе нашел.

Байляню казалось, что у него в ушах жужжат два огромных шмеля. Голова пошла кругом.

— Нет, нет и еще раз нет! Ничего подобного!

— Да как же ничего? Перестань скромничать.

Видя, что Нин Муянь скрылся из виду, Байлянь мгновенно сменил тактику. Он захлопал глазами и невинно спросил:

— О чем это тетушки говорят? Я ничего не понимаю. Мне пора домой, отцу ужин готовить. Если тетушки так устали в поле, что им видения мерещатся, я принесу вам завтра горькое лекарство от головы!

С этими словами, пока женщины приходили в себя от такого наглого притворства, он дал дёру.

Он не боялся сплетен – кто в такое поверит? В городе и так вечно сочиняют небылицы про любовные похождения Нин Муяня, чтобы привлечь внимание.

— Какой еще благородный ученый! — ворчал Байлянь, вернувшись домой. Он схватил топор и начал яростно рубить дрова, так что щепки летели во все стороны. Нарубил целую корзину.

— Настоящий лис. Коварный и хитрый.

Цзян Цзычунь в задней комнате толк лекарства. Услышав этот пугающий грохот во дворе, он выглянул наружу с аптекарской чашей в руках.

— Лянь-эр, не сердись. Видимо, у семьи Лю сегодня были дела, и мы просто не поняли друг друга. Папа сходит завтра.

Байлянь понял, что отец принял его злость на свой счет. Он нехотя опустил топор:

— Всё в порядке. Я... я просто хотел дров побольше нарубить. Кажется, дождь собирается.

Цзян Цзычунь посмотрел на небо - и впрямь погода менялась.

— Дров уже хватит. Иди помоги мне, научу тебя кое-чему из фармакологии.

— Слушаюсь! Сейчас только занесу дрова в кухню.

Когда совсем стемнело, прогремел гром. Вскоре набежали тучи, и не прошло и четверти часа, как застучали капли дождя.

Байлянь пошел закрывать окна и двери. Ветер с дождем забирался в рукава, стало зябко. Он потер плечи и поспешил укрыться в доме.

Ночью Байлянь лежал в постели, глядя на безупречную нефритовую подвеску на подушке. Перед глазами невольно всплывало то лицо, прекрасное, как сам нефрит.

Он злился на себя, ворочался и никак не мог уснуть. Он не понимал, почему этот человек вместо того, чтобы сидеть в городе над книгами, приехал в деревню. Уехал ли он обратно? И раз он отдал нефрит... значит ли это, что они теперь действительно в расчете?

Снаружи всю ночь напролет неистово шумел дождь.

—

<http://bllate.org/book/15039/1339883>